

Tożsamość (w) przestrzeni

Сущность пространства

пространство сущности

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

SCRIPTA ŁUŻNIANA
Tom II

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

Pod redakcją
Matyldy Chrzęszcz,
Kseni Dubiel
i Heleny Duć-Fajfer

Kraków

Matylda Chrząszcz

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0003-4313-5995>

✉ matylda.chrzaszcz@uj.edu.pl

Ksenia Dubiel

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0002-7512-2235>

✉ ksenia.panas@uj.edu.pl

Helena Duć-Fajfer

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0001-9436-3846>

✉ helena.duc-fajfer@uj.edu.pl

© Copyright by individual authors, 2022

Recenzenci

dr hab. Andrzej Dudek, prof. UJ

Prof. Natalia Vesselova, University of Ottawa

Opracowanie redakcyjne

Irena Gubernat (j. polski), Yanina Ryier (j. rosyjski)

Projekt okładki

Lesław Sławiński

ISBN 978-83-8138-730-9 (druk)

ISBN 978-83-8138-731-6 (PDF)

<https://doi.org/10.12797/9788381387316>

Na okładce: mapa Moskwy, 1726 (www.rijksmuseum.nl)

Publikacja dofinansowana przez Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43

e-mail: publishing@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: <https://akademicka.com.pl>

Fot. Barbara Szczukin

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'B. Szczukin'.

TABULA GRATULATORIA

Zbigniew Babik, Uniwersytet Jagielloński
Vsevolod Bagno, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Krzysztof Bak, Uniwersytet Jagielloński, Uni-
wersytet Sztokholmski / Stockholms
universitet
Katarzyna Bazarnik, Uniwersytet Jagielloński
Zofia Berdychowska, Uniwersytet Jagielloński
Krzysztof Bielawski, Uniwersytet Jagielloński
Piotr de Bończa Bukowski, Uniwersytet
Jagielloński
Dariusz Brodka, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Brzozowski, Uniwersytet Jagielloński
Renata Bura, Uniwersytet Jagielloński
Anna R. Burzyńska, Uniwersytet Jagielloński
Magdalena Wasilewska-Chmura, Uniwersytet
Jagielloński
Wojciech Chlebdą, Uniwersytet Opolski
Urszula Cierniak, Uniwersytet Humanistyczno-
Przyrodniczy im. Jana Długosza w Często-
chowie
Andrzej Dudek, Uniwersytet Jagielloński
Katarzyna Dybeł, Uniwersytet Jagielloński
Adam Fałowski, Uniwersytet Jagielloński
Lazar Fleishman, Uniwersytet Stanforda / Stan-
ford University
Dorota Gil, Uniwersytet Jagielloński
Pavel Glushakov, Ryga
Marek Hałaburda, Uniwersytet Papieski Jana
Pawła II
Agata Hołobut, Uniwersytet Jagielloński
Gabriella Elina Imposti, Uniwersytet Boloński /
Università di Bologna

Jadwiga Janaszek, Kielce
Maria Jodłowiec, Uniwersytet Jagielloński
Beata Kalęba, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Kapuścik, Uniwersytet Jagielloński
Lubov Kiselova, Uniwersytet w Tartu / Tartu
Ülikool
Jadwiga Kita-Huber, Uniwersytet Jagielloński
Anna Klimkiewicz, Uniwersytet Jagielloński
Maria Kłańska, Uniwersytet Jagielloński
Agnieszka Kocik, Uniwersytet Jagielloński
Alexandr Korablev, Doniecki Uniwersytet
Narodowy / Донецкий национальный
университет
Lesława Korenowska, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie
Lucyna Korycińska, Uniwersytet Jagielloński
Katalin Kroó, Uniwersytet Loránd Eötvös /
Eötvös Loránd Tudományegyetem
Olga Kuptsova, Moskiewski Uniwersytet Pań-
stwowy / Московский Государственный
университет
Halina Kurek, Uniwersytet Jagielloński
Tatjana Kuzovkina, Uniwersytet Talliński / Tal-
linna Ülikool
Andrzej de Lazari, Uniwersytet Łódzki
Bohdan Łazarczyk, Uniwersytet Jagielloński
Lidia Macheta, Uniwersytet Jagielloński
Dina Magomedova, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Izabella Malej, Uniwersytet Wrocławski
Agnieszka Malska-Lustig, Uniwersytet
Jagielloński

- Elżbieta Mańczak-Wohfeld, Uniwersytet Jagielloński
- Maria Maślanka-Soro, Uniwersytet Jagielloński
- Gabriela Matuszek-Stec, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Michalak-Pikulska, Uniwersytet Jagielloński
- Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski
- Galina Nefagina, Akademia Pomorska w Słupsku
- Arkadiy Neminushchiy, Uniwersytet Dyneburski / Daugavpils Universitāte
- Jakub Niedźwiedź, Uniwersytet Jagielloński
- Sylwia Nowak-Bajcar, Uniwersytet Jagielloński
- Ryszard Nycz, Uniwersytet Jagielloński
- Tereza Obolevitch, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Magdalena Ochniak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Oczkova, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Olaszek, Uniwersytet Łódzki
- Alexander Ospovat, Uniwersytet Kalifornijski / University of California
- Agnieszka Palej, Uniwersytet Jagielloński
- Ewelina Pilarczyk, Uniwersytet Jagielloński
- Irina Prokhorova, Moskiewski Uniwersytet Państwowy / Московский Государственный университет
- Elżbieta Przybył-Sadowska, Uniwersytet Jagielloński
- Wacław Rapak, Uniwersytet Jagielloński
- Renata Rodak, Uniwersytet Jagielloński
- Rozalia Sasor, Uniwersytet Jagielloński
- Yuliya Sergo, Udmurcki Uniwersytet Państwowy / Удмуртский государственный университет
- Elżbieta Solak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Sosień, Uniwersytet Jagielloński
- Elena Sozina, Uralski Uniwersytet Federalny / Уральский федеральный университет
- Ewa Stala, Uniwersytet Jagielloński
- Lidia Sudyka, Uniwersytet Jagielloński
- Jan Szczepaniak, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Włodzimierz Szturc, Uniwersytet Jagielloński
- Dorota Szumska, Uniwersytet Jagielloński
- Stanisław Śnieżewski, Uniwersytet Jagielloński
- Wanda Świątkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Marietta Turyan, Sankt Petersburg
- Anna Walczuk, Uniwersytet Jagielloński
- Jadwiga Waniakowa, Uniwersytet Jagielloński
- Halina Waszkielewicz, Uniwersytet Jagielloński
- Władysław Witalisz, Uniwersytet Jagielloński
- Natalia Vesselova, Uniwersytet Ottawski / University of Ottawa
- Grażyna Zając, Uniwersytet Jagielloński
- Marcin Ziomek, Uniwersytet Jagielloński

Spis treści

TABULA GRATULATORIA	5
BARBARA SZCZUKIN, MAŁGORZATA SZCZUKIN	
Biogram z bliskiej perspektywy nakreślony	7
HELENA DUĆ-FAJFER	
Wasilij Gieorgijewicz Szczukin – wszechstronny badacz i erudyta.....	11
SPIS PUBLIKACJI	19
WSTĘP.....	37
Введение	39
PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA.....	41
ANDRZEJ ROMANOWSKI	
Pogranicze polsko-rosyjskie (do roku 1863). Zagadnienia i postacie	43
MAGDALENA DĄBROWSKA	
Ziemie niemieckie oczyma rosyjskich podróżopisarzy przełomu XVIII i XIX wieku – miejsca wspólne, miejsca różne (wokół <i>Listów Rosjanina podróżującego po Europie od 1802 do 1806 roku</i> Dmitrija Gorichwostowa)	55
Кристина Воронцова	
Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы	67
Дечка Чавдарова	
Образ Коми в воспоминаниях болгарских строителей и лесорубов	77
Джон Даглас Клэйтон	
Гурзуф как <i>locus amoenus</i> в житнетворчестве А.С. Пушкина.....	89
Виктор Скрунда	
К истории русской меньшинственной идеи в межвоенной Польше (РОМ, 1934).....	101

PRZESTRZEŃ PSYCHOLOGICZNA	111
URSZULA TROJANOWSKA	
„Schody w pustkę” – przestrzeń i sen w opowiadaniu <i>Szatniarz</i> Jeleny Dołgopiat.....	113
Ксения Касаткина	
Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского <i>Записки из подполья</i>	125
Сергей Доценко	
Обезвельопал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»...	139
Валерий Мильдон	
Эней и Анна. Пространства судьбы в <i>Энеиде</i> и <i>Анне Карениной</i>	151
Ксения Дубель	
Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства? Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия	163
MARIA MALEWSKA	
Pamięć i tożsamość w utworze Pavla Amnuela <i>Spowiedź</i>	173
PRZESTRZEŃ TEKSTUALNA	185
Аркадий Гольденберг	
Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя	187
HELENA DUĆ-FAJFER	
Przestrzeń rosyjskości w literaturze łemkowskiej.....	201
Людмила Луцевич	
Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина <i>Цыганы</i>	217
Ольга Гриневич	
Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой <i>Сад</i>	231
Юрий Доманский	
Слово «сцена» в паратексте <i>Вишнёвого сада</i> А.П. Чехова. К вопросу о пространстве реально-художественном и пространстве реально-театральном в драматургическом тексте.....	243
Татьяна Автухович	
Экфрасис как способ формирования пространства смысла	255

PRZESTRZEŃ URBANISTYCZNA.....	267
KATARZYNA SYSKA	
O mitologii miasta w dramacie Jurija Kławdijewa	
<i>Obłok przypominający delfina.....</i>	269
BOGUSŁAW ŻYŁKO	
O pewnej reprezentacji wieczności (Uwagi o <i>Rzymie</i> Mikołaja Gogola).....	281
DZMITRY KLIABANAU	
Topos Rzymu jako element „mitu Husowskiego” Władzimira Arłoua	
(na materiale powieści <i>Czasy dżumy</i>)	293
Михаил Строганов	
<i>Город пышный, город бедный</i> и его родственники	305
Павел Лавринец	
Поэтосфера Вильнюса как города храмов	317
Валентина Брио	
Вильнюсские дворики как особенный городской локус	329
Наталия Няголова	
Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской	
«оттепели». Предварительные заметки.....	343
Михаил Тимофеев	
Что делает наши ландшафты такими разными, такими	
привлекательными? (Английский индустриальный пейзаж	
XVIII-XX веков).....	355
PRZESTRZEŃ PODRÓŻY	367
MATYŁDA CHRZĄSZCZ	
Podróż do źródeł tożsamości. <i>Wschód</i> Andrzeja Stasiuka	369
MICHAŁ MILCZAREK	
<i>Wyspa</i> Gołowanowa albo o poszukiwaniu sensu w Arktyce.....	379
Александр Вавжинчак	
Путь как судьба. Повесть Виктора Астафьева <i>Перевал</i>	393

PRZESTRZEŃ WIZUALNA	405
Якуб Садовски	
Интеллигент в пространстве анимации. Мультфильмы по рассказам Эдуарда Успенского.....	407
Евгения Строганова	
Женщина с книгой в портретной живописи второй половины XVIII – первой половины XIX в. Модель и пространство. Заметки к теме	421
Наталья Мариевская	
Социальные пространства в динамике сюжета. Анализ драматургии современного фильма.....	435
Наталия Злыднева	
Концепт «путь-дорога» в русской живописи. наброски к теме	449
INDEKS OSÓB	461
Указатель имён	467

Александр Вавжинчак
Ягеллонский университет

Путь как судьба

Повесть Виктора Астафьева *Перевал*

Творчество Виктора Петровича Астафьева на протяжении всего его долгого творческого пути носило черты автобиографизма. У исследователей наследия сибирского писателя данный факт вызывал большой интерес – как ещё в конце XX столетия, так и в последние годы. Об автобиографизме как особенности его прозы уже в конце 60-х годов прошлого века писал А. Макаров¹, а в позднейшие годы данную черту отмечали П. Ланщиков, П. Басинский, П. Гончаров, Ю. Ростовцев, Н. Ковтун и другие исследователи. Как отмечает Т. Авдохина:

[...] многие произведения Астафьева внутренне объединены одним характером, одной судьбой, на которой ясно лежит отблеск судьбы самого автора [...]. Этот сквозной герой как бы показан на разных ступенях его развития и в разных обстоятельствах: детство в сибирской деревне («Последний поклон»), становление подростка в детдомовских условиях военных лет («Где-то гремит война»), война и её воздействие на человека («Звездопад», «Пастух и пастушка»). То есть между автором художественного произведения и его героем явно ощущается биографическое единство².

Исследовательница особенно подчёркивает факт, что «в произведениях писателя последовательно разворачивается история внутреннего мира

¹ См.: А. Макаров, *Во глубине России*, Современник, Москва 1973.

² Т. Авдохина, *Черты автобиографизма в прозе В.П. Астафьева*, «Вестник Бурятского государственного университета» 2009, № 10, с. 204.

героя, близкого автору»³. Подтверждение данного тезиса мы найдём не только в названных ею произведениях Астафьева, но и в ряде других, особенно тех, что относятся к наиболее раннему периоду творчества прозаика (1951-1959) – в рассказах *Огоньки* (1953), *Васюткино озеро* (1955), но прежде всего, в первой из широко известных его повестей – *Перевал* (1959), с которой, как утверждает сам автор, начался его настоящий писательский путь⁴. Об особом отношении писателя к этому произведению свидетельствует и то, что это чуть ли не единственное произведение из раннего периода его творчества, которое не подвергалось позднейшим авторским редакциям. Астафьев называл *Перевал* своей «любимой вещью» и заявлял: «К сожалению, мне больше не довелось написать столь бесхитростно-открытой, почти по-детски ясноглазой вещи, о чём я весьма и весьма сожалею»⁵.

Прежде чем мы перейдём к анализу произведения, отметим ещё несколько, интересных на наш взгляд нюансов. Первый касается заглавия повести – в работах, посвященных её анализу подчеркивается метафоричность заглавия, которое понимается как определение переломного момента в жизни главного героя – преодоления важной точки в процессе становления его характера и жизненной позиции. Однако же, широко распространённая ассоциация заглавия с географическим термином, означающим «место в горном хребте, доступное для перехода»⁶, на наш взгляд неверна. Действие повести происходит не в горах, а на реке, и герой вместе с бригадой сплавщиков преодолевает не горный хребет, а опасный, глубокий пережат реки, который специалисты и называют перевалом⁷. В повести Астафьева в описании ознобихинского перевала находим следующий фрагмент: «Восемь километров

³ Там же, с. 204.

⁴ Рецензия на повесть (ещё в рукописном варианте), написанная Верой Смирновой, вместе с изданными раньше двумя сборниками рассказов, в 1958 г. стала основой для принятия Астафьева в пермское отделение Союза советских писателей и приобретения им статуса профессионального литератора. См.: В. Астафьев, *Подводя итоги* [в:] В. Астафьев, *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, т. 1, Издательство Офсет, Красноярск 1997, с. 42.

⁵ *Виктор Петрович Астафьев. Первый период творчества (1951-1969): словарь-справочник*, авт.-сост. А.Г. Самотик, Т.Н. Садырина, РАСТР, Красноярск 2019, с. 265.

⁶ Там же, с. 263.

⁷ Дефиниция речного перевала следующая: «глубокий пережат, плесовые лощины которого плавно сопрягаются между собой через седловину. Верховой и низовой скаты седловины пологие, крутые подвалья отсутствуют». Как правило, на перевале русло реки переходит от одного берега к другому. *Системы навигационного оборудования*, [в:] <https://infopedia.su/24x62e1.html> (27. 08. 2021); см. также: Р.С. Чалов, *Русловые процессы (Русловедение): учебное пособие*, Инфра-М, Москва 2015, с. 348.

тянется стена из выщербленного ветрами, щелястого гранита»⁸. Здесь речь идёт о каньоне, который, видимо, местные называли перевалом. Однако, как бы то ни было, данное уточнение не влияет на указанный выше метафорический смысл заглавия.

Второй нюанс тесно связан с первым и касается перевода заглавия повести на польский язык. Правда, *Перевал* никогда не издавался на польском языке, однако в ряде польских академических учебников и справочников по истории русской литературы XX века, при упоминании имени писателя, называется и повесть⁹. Во всех случаях заглавие произведения переводится как *Przełęcz*, что в польском языке может соотноситься только с горным перевалом. На наш взгляд, учитывая вышесказанное, правильным вариантом перевода названия повести было бы *Przełom* – к тому же оно несёт более яркий метафорический смысл, чем предлагаемое авторами польских пособий.

Последней особенностью, на которую обратим внимание, является жанровая специфика повести *Перевал*. Итак, В. Щербакова указывает на жанровую полифонию, наблюдаемую в данном произведении – присутствие в нём элементов как автобиографической повести, так и романа воспитания, и социального романа¹⁰. На наш взгляд – и это мы постараемся доказать ниже – в повести присутствуют также элементы, отсылающие читателя к приключенческому роману, и фольклорные мотивы, дополнительно обогащающие жанровую специфику произведения.

Действие повести разыгрывается в 1935 году на реке Мара (притоке Енисея)¹¹, главным же участником событий является 11-летний Ильяк Верстаков – мальчик-полусирота, который после конфликта с мачехой решает покинуть барачную комнату в лесозаготовительном посёлке, в которой он живёт вместе с ней, отцом и младшим сводным братом Митей, и отправиться к бабушке и деду. Здесь наблюдается очень близкая схожесть судьбы писателя и героя, чему доказательством служат выступающие в сюжете повести

⁸ В. Астафьев, *Перевал* [в:] В. Астафьев, *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, т. 2, с. 84.

⁹ См: *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, ред. А. Drawicz, PWN, Warszawa 1997; G. Poręba, S. Poręba, *Historia literatury rosyjskiej 1917-1991*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 1996; *Słownik pisarzy rosyjskich*, ред. F. Nieuważny, Wiedza Powszechna, Warszawa 1994.

¹⁰ См.: В. Щербакова, *Жанровая специфика повести В. Астафьева «Перевал»*, „Неофилология” 2019, т. 5, № 18, с. 170-177.

¹¹ Все топонимы в повести вымышлены, однако сопоставимы с реальными. Ограничиваясь главными, река Мара из повести соответствует правый приток Енисея, река Мана, посёлку Шипичиха – бывший посёлок Сосновка.

мотивы полусиротства и воспоминания о погибшей матери (глава *Мать*), жизни в таёжной глуши, близкого общения с природой и, наконец, мотив путешествия по сибирской реке.

Автобиографизм повести *Перевал*, да и вообще всего раннего творчества В. Астафьева, следуя мнению, выраженному Т. Авдохиной, следует рассматривать как «продолжение традиции произведений русской литературы, посвящённых детству, в большинстве своем автобиографических»¹². При этом нравственным истоком темы детства у сибирского писателя является «желание восстановить естественное течение жизни [...], обрести душевный покой, обрести „лад“»¹³. В исследуемом произведении данные черты играют сюжетообразующую роль. Юный герой совершает путь от анти-дома к дому, который, как уже упоминалось, следует понимать как этап в процессе его самостановления. Отметим, что Илька отправляется по сути в неизвестное – дом родителей матери существует в его воспоминаниях, о настоящей судьбе стариков мальчик ничего не знает. Однако верит, что именно там его ждёт счастье:

Живы ли хоть бабушка с дедушкой?

Должно быть, живы. Нельзя им умирать. Без них Ильке совсем худо будет. Их вот здесь нет, а Илька знает, что они всё равно есть на свете, что они думаю о нём, и от этого ему не так одиноко¹⁴.

Побег из посёлочного барака поначалу напоминает невинное детское приключение – Илька несколько дней живёт в шалаше неподалёку от посёлка, используя в быту всё, чему научил его некогда отец – разводит костёр, ловит рыбу, собирает ягоду. Живёт весьма свободно, чувствуя себя хозяином острова, даже потчует рыбой случайно забредших к нему мальчишек из посёлка, с которыми до этого «жил недружно, часто дрался»¹⁵. Причиной конфликтов было положение Ильки в семье – он сидел в бараке, выполняя обязанности по хозяйству, в то время как другие мальчишки «учились, жили беззаботно, и он их задирали иносказательно вовсе беспричинно [...] они учатся грамоте, а он вот уже две зимы школы в глаза не видал»¹⁶. Если в посёлке мальчик чувствовал себя обиженным судьбой, то на острове он доказывает свое

¹² Т. Авдохина, *Черты автобиографизма в прозе В.П. Астафьева...*, с. 205.

¹³ Там же, с. 205.

¹⁴ В. Астафьев, *Перевал...*, с. 20.

¹⁵ Там же, с. 27.

¹⁶ Там же.

провосходство – теперь парни завидуют ему, даже преклоняются перед ним. На острове он оказывается таким «робинзоном», героем-одиночкой – свободной личностью, которая готова принимать вызовы судьбы, реализовывать мечты.

«Речная робинзоада»¹⁷ получает свое развитие, когда Илька встречает бригаду сплавщиков и отправляется с ними в уже настоящее и небезопасное путешествие по Маре. В отличие от героя Романа Дефо Илька путешествует не один, а в компании взрослых мужчин, которые постепенно становятся его наставниками. Приключенческий сюжет приобретает черты романа воспитания, на первый взгляд выстраиваемого согласно канонам соцреализма – мальчик-сирота присоединяется к коллективу, в котором проходит своеобразный процесс становления. Однако бригада сплавщиков не соответствует штамповому соцреалистическому образу коллектива. В её составе семеро мужчин, с разными характерами и взглядами – сам Илька воспринимает их как «таких неодинаковых, таких непостижимых»¹⁸. Своими личностными качествами – трудолюбием, смелостью, самоотверженностью, а также именами и прозвищами (Азарий, Красное солнышко) – герои соотносятся с образами сказочных богатырей, героев древнерусских летописей и военных повестей; вместе с тем, автор с изрядной дозой юмора показывает индивидуальность каждого. Бригадир Тихон, старик Роман по прозвищу Красное солнышко, Азарий, Гаврила, украинец Дерикруп, Сковородник и Исусик – мужики-крестьяне, отношения между ними носят сугубо общинный характер. Живут они дружно, но, как в каждой группе, случаются и конфликтные ситуации – например, Роман, который «ни в Бога, ни в черта не верил и никаких божественных книг не читал»¹⁹, постоянно спорит с Исусиком – такое прозвище получает сплавщик, выдающий себя за глубоко верующего человека и часто обращающийся к текстам Священного писания. Н. Ковтун отмечает, что как прозвище, написанное через одно «и», так и поведение данного персонажа – нарочитая серьёзность, осуждение шуток товарищей, отказ от рабочей одежды и, прежде всего, отказ от табака – явный отсыл к старообрядческой традиции²⁰. В то же время в образе героя «профанируется идея канонического православия, церковного догмата [выделено автором – А.В.],

¹⁷ В. Щербакова, *Жанровая специфика повести В. Астафьева «Перевал»...*, с. 173.

¹⁸ В. Астафьев, *Перевал...*, с. 55.

¹⁹ Там же, с. 58.

²⁰ См.: Н. Ковтун, *Русская традиционалистская проза XX-XXI веков. Генезис, мифопоэтика, контексты*, Издательство Флинта, Москва 2017, с. 457.

чуждого по отношению к живой жизни»²¹, выявляет критическое на тот момент отношение Астафьева к религии – радикализм Исусика, косность его веры, ретроградство не вызывают никакой симпатии²², хотя его образ смягчается явно ироничным характером описания.

Человечность и натуральность участников бригады заключается не только в их добродетелях, но также – а может, прежде всего – в пороках. После получения зарплаты сплавщики устраивают гулянку, в ходе которой чуть ли не доходит до драки, а на следующий день не все в силах приступить к работе. Тем не менее, в самый ответственный момент – при проходе через перевал – все проявляют свои самые лучшие качества.

В такой живой и разнообразной компании Илька совершает путешествие, которое, возможно, предопределяет его дальнейшую судьбу. Несколько недель, проведённых на плоту-ковчеге, становятся для мальчика настоящей школой жизни. Поскольку «центром, структурирующим внешнее и внутренне пространство»²³ остаётся для него дом бабушки и дедушки, Илька, следуя данному идеалу, пытается одомашнивать и пространство плота, внося в жизнь взрослых товарищей тепло и уют. В свою очередь, с их помощью, «мальчик приобщается к высокой, книжной культуре, обучается грамоте»²⁴, частично навёрстывая отставание в пропущенной за время жизни в посёлке учёбы. Плот-ковчег становится для Ильки временным домом, школой, работой – микрокосмосом, в котором закаляются лучшие качества его характера.

Процесс становления героя, «естественного человека», немислим вне природы, которая, наравне с окружающими людьми, формирует его характер и жизненную позицию. Природа, описываемая в повести Астафьева, завораживает богатством красок, запахов, которое усиливается тем, что «[...] красота, житнетворчество природного мира переданы в тексте глазами ребенка»²⁵. Ещё до ухода из барака Илька познаёт мир природы под опекой отца, а после ухода – уже самостоятельно погружается в него, осваивается с его таинственностью и могуществом – первая ночь, проведённая

²¹ Там же, с. 457-458.

²² Также в повести *Стародуб* (1959) звучит резкое осуждение старообрядчества. Однако в поздней прозе писателя, особенно эпопее *Прокляты и убиты* (1994), образ старообрядцев переполнен глубоким уважением к их нравственной стойкости, приверженности традициям предков.

²³ Н. Ковтун, *Русская традиционалистская проза XX-XXI веков. Генезис, мифопоэтика, контексты...*, с. 447.

²⁴ Там же, с. 453.

²⁵ Там же, с. 447.

мальчиком на острове, изобилует богатством звуков, красок и запахов, остро воздействующих на воображение ребенка:

[...] на реке, куда солнце заглядывает только к полудню, уже сгустились краски. Тени от прибрежных скал легли от берега до берега, соединились побратски. Он ещё не черны, а с густо-синими оттенками, отливают на быстрине блеском глухариного крыла.

[...] Оказывается, даже в эти медленные, однотонные минуты, существует жизнь, и она издает звуки, правда, осторожные, боязливые. Прибавляют прыти кузнечики [...]. Устало и мерно плещется река. Филин в лесу безнадежным голосом просит шубу, а в Шипичихе всё что-то стучает, стучает [...].

Неуверенно, точно настраиваясь на музыкальный лад, в бузине за шалашом чиликнула пичужка. Минуту она молчала, устраиваясь поудобней на веточке [...]; дождалась малая птаха, пока разойдется коростель, начала мерно вторить ему, как бы скрашивая девичьим голосом хриловатую мужицкую песню [...].

Сердце как ружейный курок на взводе, готово в любую секунду сорваться, оно отзывается на каждый шорох, на каждый пустячный звук. [...] Вот хрустнул сучок в лесу. Мало отчего он мог хрустнуть, а мальчишке кажется: подползает к шалашу кикимора болотная, скользкая, холодная, может и сама нечистая сила с рогатой и зубатой рожей²⁶.

После ночной инициации, Илька видит совсем другой мир – «светлый, приветливый, многоголосый»²⁷. Он – «естественный человек», чуткий и понимающий природу, и в общении с ней постепенно созревающий как личность. Как отмечает Н. Ковтун, Илька, с его детским, естественным чутьём «становится медиатором меж обществом и вечной, непостижимой природной стихией»²⁸. Во время сплава с бригадой по реке, он принимает всё новые и новые вызовы судьбы, самым серьёзным из которых, определяющим уровень его зрелости, выносливости, ответственности и человечности, становится проход через Ознобихинский перевал – «самое проклятое место на всей Маре»²⁹. Местность вокруг перевала поражает своей суровостью – после случившегося несколько лет назад пожара «здесь нет ни одного живого

²⁶ В. Астафьев, *Перевал...*, с. 16-18.

²⁷ Там же, с. 18.

²⁸ Н. Ковтун, *Русская традиционалистская проза XX-XXI веков. Генезис, мифопоэтика, контексты...*, с. 450.

²⁹ В. Астафьев, *Перевал...*, с. 83.

дерева», «валяется обгорелый и оттого долго не гниющий листвяк и пихтач», основными обитателями берега оказываются змеи, которые «клубками лежат на нагретых камнях»³⁰. Сам же перевал описан более поэтично, однако повествователь наделяет его такими антропоморфическими деталями, которые дополнительно усиливают исходящую от него опасность:

Мара виляла меж камней, торчавших то там, то тут из воды, прикидывалась тихоней, а потом, словно вспоминая о своем крутом нраве, вдруг сердито бросалась на скалы, с шумом била, как таранами, брёвнами о камни. Только самые скользкие, самые юркие брёвна проскакивали эти восемь километров, да и они выплывали из этой дыры побитые, с облупленной корой, с отколотыми отщепинами³¹.

Проходя через перевал в течение нескольких дней, Илька переживает встречу с медведем, заблудшим на стоянку сплавщиков, а затем спасает своих товарищей по бригаде, проявляя лучшие качества, привитые ему отцом во время совместных походов:

[...] не зря же Илька вырос на реке. Не зря он уже девяти лет ходил на шесте в лодке, не зря же тонул раз двадцать и не утонул. Илька растаскивал брёвна, направляя лодку меж камней, и внезапно увидел Трифона Летягу и Исусика³².

Суровые и опасные пороги перевала, как и вся окружающая героя природа, последовательно закаляют характер Ильки. Спасая друзей, преодолевая природную стихию, мальчик не только доказывает своё полноправие как член бригады, но и становится реально равным остальным членам бригады, взрослым мужчинам. Успешный проход перевала обусловлен приобретением им и развитием качеств, которыми наделены другие члены бригады – терпением, умением использовать полученный ранее опыт, а также уважительным отношением к природе. Природа – непокорная стихия, способная наказать и даже уничтожить человека за его ошибки, самоуверенность, наглость, но она же способна и вознаградить его за терпение, трудолюбие, отвагу, самопожертвование. Данные качества шлифуются в мальчике, интуитивно воспринимающем законы природного равновесия с каждым днем его путешествия к заветному дому. И природа неоднократно награждает его – богатыми

³⁰ Там же, с. 84.

³¹ Там же, с. 85.

³² Там же, с. 90.

уловами рыбы, изобилием ягод, которыми он кормит бригаду. Даже после попойки, устроенной сплавщиками, дождь «смыл с брёвен окурки, плевки и бумагу»³³, освобождая Ильюку от малоприятной уборки, а заодно возвращая в мир равновесие, нарушенное человеческими пороками.

Речное путешествие меняет героя не только внутренне, что самое главное, но также и внешне. Бригадир Трифон, наблюдая за самым юным членом его коллектива, отмечает:

[...] Ноги мальчика шелушились. На отмытой коже белели зажившие отметины и царапины. И лицо мальчишки загорело, округлилось. Загар почти скрыл живучие веснушки. Ильяк раздался в плечах. Под ситцевой рубашкой угадывались затвердевшие комочки мускулов.

Окреп, подрос мальчишка³⁴.

Созревший духовно и физически за несколько недель сплава по реке, Ильяк выносит из своего путешествия-приключения ещё одну правду жизни – веру в человеческую доброту. Мальчик, поначалу бежавший от людей из лесозаготовительного посёлка в родную деревню, приходит с уверенностью в том, «что, если в жизни будет когда-нибудь трудно, если случится беда, надо бежать не от людей, а к людям»³⁵. Жизнеутверждающий финал повести не только и не столько характерен для эпохи оттепели в литературе, он – отличительный знак самого писателя, который в своём раннем творчестве ещё сохранял оптимистическое восприятие окружающего мира и созидательной роли человека в нём. Со временем астафьевские тексты будут носить следы более резкой оценочности по отношению к внутренней духовной кондиции советского, а затем и российского общества.

Напоследок обратимся ещё раз к вопросу автобиографичности повести, которая, на наш взгляд, состоит не только в схожести некоторых эпизодов из жизни её героя с судьбой Астафьева, но и относится к будущему. Ильяк, как можно догадываться по открытому финалу произведения, достигает желанной цели – дома бабушки и дедушки. Этот этап его жизни – путь от анти-дома к дому, который вёл его по живописной и капризной реке Маре – завершается благополучно. Для писателя же повесть также стала своеобразным «перевалом» – с её выходом завершился первый, самый ранний, начальный

³³ Там же, с. 73.

³⁴ Там же, с. 106.

³⁵ Там же, с. 108.

период его творчества и начался новый этап его творческой и личной жизни, новый отрезок пути: маленький домик в Чусовом – родном городе его супруги, Марии Семёновны, затем высшие литературные курсы в Москве, далее – годы жизни в Перми, а после – снова родные берега Енисея в Овсянке, куда он вернулся в 1980 году уже знаменитым писателем и наконец заново приобрел свой дом.

Библиография

- Авдохина Т., *Черты автобиографизма в прозе В.П. Астафьева*, „Вестник Бурятского государственного университета” 2009, № 10.
- Астафьев В., *Перевал* [в:] В. Астафьев, *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, т. 2, Издательство Офсет, Красноярск 1997.
- Астафьев В., *Подводя итоги* [в:] В. Астафьев, *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, т. 1, Издательство Офсет, Красноярск 1997.
- Виктор Петрович Астафьев. *Первый период творчества (1951-1969)*: словарь-справочник, авт.-сост. А.Г. Самотик, Т.Н. Садырина, РАСТР, Красноярск 2019.
- Ковтун Н., *Русская традиционалистская проза XX-XXI веков. Генезис, мифопоэтика, контексты*, Издательство Флинта, Москва 2017, *Универсалии культуры*, вып. 8.
- Макаров А., *Во глубине России*, Современник, Москва 1973.
- Системы навигационного оборудования*, [в:] <https://infopedia.su/24x62e1.html>.
- Чалов Р.С., *Русловые процессы (Русловедение)*: учебное пособие, Инфра-М, Москва 2015.
- Щербакова В., *Жанровая специфика повести В. Астафьева «Перевал»*, „Неофилология” 2019, т. 5, № 18, <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-18-170-177>.
- Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, ред. А. Drawicz, PWN, Warszawa 1997.
- Porębina G., Poręba S., *Historia literatury rosyjskiej 1917-1991*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 1996.
- Słownik pisarzy rosyjskich*, ред. F. Nieuważny, Wiedza Powszechna, Warszawa 1994.

ABSTRACT

The Path as Destiny: The Novel *Pereval* by Viktor Astafyev

The early works of Viktor Astafyev are characterized by a strongly pronounced autobiography, which is also clearly expressed in his novel *Pereval*. The fate of the hero of this work is considered in a metaphorical reading of the motif of his journey along the Siberian river with a team of rafters, in which a certain stage in the process of becoming a hero is realized. The author also points out the plot-forming role of nature in the story – communicating with the natural world, the hero develops the main positive traits of his character. At the same time, he passes a symbolic path from the anti-house to the house, symbolizing comfort, calmness and stability in life. The analysis of the work reveals the connection of its plot not only with the writer's past, but also with the success of this novel itself. It can be considered as the beginning of an important stage in the author's life, the final point of which was the writer's return to his native village of Ovsyanka in 1980.

Keywords: Astafyev, destiny, path, autobiography, natural world

Ключевые слова: Астафьев, судьба, путь, автобиографизм, природный мир

Tom jubileuszowy, który oddajemy do rąk czytelnika, stanowi wyraz najwyższego uznania wobec imponującego dorobku naukowego oraz wdzięczności za lata działalności dydaktycznej Pana Profesora Wasilija Szczukina. Publikacja jest próbą odzwierciedlenia szerokiego spektrum zainteresowań badawczych Jubilata, oscylujących wokół historii literatury i kultury rosyjskiej, metodologii badań literackich, poetyki sztuki totalitarnej, a także szeroko rozumianej geografii humanistycznej; osadza jednocześnie te pojęcia w kontekście macierzystym badacza – to jest fenomenów przestrzeni i tożsamości. Z wielką radością pragniemy podkreślić, że niniejsza księga, na którą złożyły się teksty wielu wybitnych badaczy literatury, sztuki i kultury, pragnących uhonorować Profesora Szczukina, stanowi platformę do wymiany myśli naukowców reprezentujących ośrodki naukowo-akademickie między innymi w Polsce, Izraelu, Bułgarii, Kanadzie, Stanach Zjednoczonych, Rosji, na Litwie i Białorusi, co należy uznać za jawne świadectwo swoistej niezależności nauki i jej niepodlegania różnorodnym ograniczeniom, które w danym czasie i danej przestrzeni mogą hamować kontakty i zaburzać procesy konsolidacyjne na bazie twórczej wymiany.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-730-9

